

А. НОКС

<«...Присутствуют актерские качества, как это было у Наполеона, но нет душевной силы и разумной жестокости последнего»>

Понедельник, 9 апреля 1917 г. Петроград.

<...> Прибыв в посольство, я узнал, что у посла находится Керенский. Последний говорил, что он лично считает революцию в России новым капиталом для союзников, что теперь русская демократия выступит против немецкой демократии и русская военная машина никак не будет ослаблена. Он считает, что все волнения в армии вскоре прекратятся и она станет небывалой ранее по мощи военной машиной. До революции в армии велась пропаганда, только это было секретом, и никто об этом не слышал. Наступление, запланированное на весну, достигнет успехов, которые были невозможны при прежнем режиме. При старом режиме Россия никогда не смогла бы помочь союзникам победить в войне. Теперь появился шанс, что она сможет, и, как он думает, она сделает это.

Несмотря на то, что в России не было собрания подлинных представителей всего народа России, Керенский знает, что стране нужна оборонительная война. При этом министр поспешил пояснить, что употребляет слово «оборонительная» исключительно в политическом смысле, так как он совсем не исключает наступления как вида боевых действий. По его словам, правительство не намерено медлить с наступлением, рассматривая его как средство убеждения немецких социал-демократов. Он допускает, что война продлится до тех пор, пока немецкий народ не подчинится воле Европы.

На замечание о том, что ни одна другая страна не позволяет своей прессе выступать с нападками на союзников, Керенский ответил, что газета, которую мы имеем в виду, а именно «Правда», не имеет влияния и на нее можно не обращать внимания.

Министр считает, что хозяином в стране сейчас является Временное правительство и лучшей политикой будет дать Совету умереть

естественной смертью, а не отвлекать силы и средства на борьбу с ним. Временное правительство может рассчитывать на то, что полки столичного гарнизона при необходимости сумеют подавить бунт, но никто не позволит событиям зайти настолько далеко.

Далее он заявил, что мы должны сознавать, что во Временном правительстве собрались не дети, а взрослые люди с мозгами, которые хорошо знают Россию, что все его члены понимают, что должны идти единственно возможным для достижения своих целей курсом.

Министр добавил, что в России создано довольно сильное впечатление, будто в Англии приняли новое правительство довольно холодно и такое отношение лишь усугубляет трудности. Он попросил нас о содействии в возвращении на родину политических ссыльных, обеспечив их доставку в страну морем.

Керенский производит впечатление искреннего человека, но в целом он переоценивает эффект от контактов между русскими и немецкими социал-демократами и в то же время недооценивает плоды разложения в русской армии.

На общий совет придерживаться здравого смысла Керенский, обладавший колоссальным тщеславием, отвечал «Оставьте!» под тем предлогом, что он лучше знал своих соотечественников, которых считал сверхлюдьми без характерных для любого человека недостатков. Его идея о возвращении политических ссыльных, на которой он настаивал с самоубийственной настойчивостью, привела к тому, что сам он был свергнут и, что гораздо более важно, Россия оказалась в руинах. <...>

Сам Керенский рассказывал мне, как в первые дни революции на Петроградской патронной фабрике появился человек в форме капитана артиллерии, который произнес страстную речь социалиста. Его сразу же избрали директором фабрики, и с тех пор он целую неделю присутствовал на технических совещаниях в управлении артиллерии, пока его помощник не опознал в этом человеке беглого преступника, тремя годами ранее убитого офицера! <...>

Воскресенье, 5 августа.

<...> Ни Керенский, ни Савинков не имели в Военном министерстве грамотных помощников. 9 августа отвечающий за тыловое снабжение генерал Маниковский заявил, что не может встретиться с министром вот уже два месяца. «Иногда, — продолжал генерал, — мне хочется пустить себе пулю в лоб, а иногда — в кого-нибудь

другого». Его подчиненный, отвечающий за военно-техническое обеспечение, заявил, что в его отделе давно уже не ведется реальная работа. Офицеры Артиллерийского управления на вопрос, откуда у них столько свободного времени, отвечают, что реальная работа в России после революции сократилась примерно наполовину и они просто стараются идти в ногу со временем!

Генерал Маниковский говорил также о двух других помощниках военного министра — генерале Якубовиче и князе Туманове как о своих «няньках». Другие офицеры клеймят их как «карьеристов». Оба согласны с мнением офицеров, выступающих за введение жестких мер для спасения положения, но, наверное, оба согласны и с Керенским, когда тот призывает их к осторожности.

Керенский до сих пор остается единственным, кто хоть как-то может управлять толпой, а в народе, должно быть, поражаются, как это им не удалось создать более крупную фигуру. У этого человека присутствуют актерские качества, как это было у Наполеона, но нет душевной силы и разумной жестокости последнего.

Он расположился в Зимнем дворце там, где когда-то жил Александр III, и, поскольку его тоже зовут Александром, его наградили прозвищем «Александр IV». Он ездит на «роллс-ройсе» Николая II. Он до сих пор лелеет детскую мечту прийти к мирному согласию с Германией. Редактор официальной военной газеты как-то предложил опубликовать материалы, полученные от двух вернувшихся в Россию врачей, о плохом обращении с военнопленными в Германии, но, как говорят, Керенский предпочел «не слишком раздражать немцев!» <...>

В то же время все люди устали от войны. Они не желали сражаться, а их невежество и душевная черствость делали их способными с готовностью принять любой предлог, каким бы постыдным и надуманным он ни был, лишь бы он обеспечивал достижение мира.

Было сложно рассчитывать на то, что все еще не поздно спасти армию, но единственным шансом для этого стало бы то, что если Керенский использует собственную популярность для поддержки Корнилова, развяжет тому руки и позволит действовать любыми методами, а Корнилов окажется именно той великой личностью, которой требовала сложившаяся ситуация. <...>

Сентябрь 1917 г.

<...> До этого момента Военный кабинет предоставлял России все, о чем она просила, даже жертвуя нашими собственными интересами. Он же поддерживал Керенского как единственного человека, стояв-

шего между нами и катастрофой интересов союзников на Восточном театре. Теперь позиция становилась все более жесткой, и наше правительство не было более готово приносить в жертву собственные интересы. Я предложил потребовать от Керенского взвешенного заявления о том, будет ли русская армия выполнять свою роль во время весенней кампании будущего года. Политик, к которому я обратился с этим предложением, ответил: «Все это не имеет ни малейшего смысла, потому что с приходом весны Керенский уже не будет премьер-министром». Далее он заявил, что конференция стран-союзниц, на которой должны были пересматриваться условия заключения мира, не состоится, так как любой русский министр, которого направят участвовать в ней, «будет вышиблен» со своего поста еще до того, как вернется в Россию. В голосе моего собеседника зазвучали нотки горечи, когда он заговорил о попугайских выкриках «без аннексий и контрибуций»: «Когда русские бегут, подобно молниям, бросая свои собственные территории, им хватает наглости просить нас освободить территории, при завоевании которых мы потеряли сотни тысяч жизней!»

Думаю, что этот политик выразил мнение всей Англии. Русские офицеры рассказывали мне, что извозчики лондонского Ист-Энда кричали им: «Когда вы, русские, собираетесь сражаться?» Даже наш садовник в Ольстере спросил меня: «Почему эти русские не хотят воевать?»

Конфликт между Керенским и Корниловым был неизбежным с самого начала, так как эти два человека обладают совершенно разными характерами и придерживаются диаметрально противоположных принципов. Корнилов прямолинеен, как солдат, обладает сильной волей, очень храбр. Он убежденный патриот, но не политик. Этот человек прост и честен, он не имеет ни малой толики личных амбиций. Для него Россия и российская национальная честь всегда были важнее всего. Керенский, мелкий адвокат из Саратова, всю свою жизнь посвятил политической деятельности. Он коварен, тщеславен и амбициозен. Перед самой революцией он был пацифистом. У него на первом месте — революция, а Россия — уже на втором.

Оба этих человека простого происхождения. Корнилов — сын унтер-офицера Забайкальского казачьего войска, а его мать была буряткой по национальности. Отец Керенского работал школьным учителем, а мать, как говорят, была еврейкой.

Корнилов, широко образованный человек, говоривший на нескольких европейских и азиатских языках, сумел пробиться в высшие

эшелоны военного командования даже при старой власти, без всякой протекции, только за счет упорной работы и своих способностей. Это был первый после революции русский генерал высшего звена, осмелившийся рискнуть всем для защиты жизненных интересов страны от игр политиканов. Керенский никогда не занимал ответственных постов, до тех пор, пока неожиданно не был допущен к власти в результате внутренних перестановок после революции. Его козырем стали огромная энергия, ораторское искусство и умение ловко и быстро лавировать в политике*.

* В дневнике генерала Алексеева, обнаруженном после его смерти в 1918 г., содержится одна ремарка, сделанная во время сидения на Московской конференции в августе 1917 г.¹: «Керенский — это фигляр власти».